

Е. Сидоров

Голосом времени (Заметки о поэзии Евгения Евтушенко)

О Евгении Евтушенко часто пишут весьма неопределенно. Критические суждения о нем напоминают движения маятника. Балансируются удачи и потери, подсчитываются зерна в мере хлеба, в конце следует вздох, порой искренний: потерь все же немало — маятник останавливается...

Между тем Евгений Евтушенко — поэт истинный, крупный и заслуживает другого разговора. Не всегда сквозь этот характер пробивается поэзия, но зато когда она побеждает, — это поэзия чистой воды, способная утолить жажду души и вкуса.

Ему исполнилось пятьдесят. Позади путь длиною в десятки тысяч стихотворных строк. Вряд ли кто из современных поэтов написал и напечатал такое количество стихотворений и поэм. Мало кто из современных поэтов, на мой взгляд, пользуется такой известностью у массового читателя. Феномен Евтушенко — не есть факт одной литературы. Это явление нашего времени, его общественных процессов и противоречий. Поэт вправе был сказать: «И голосом ломавшимся моим ломавшееся время закричало».

Поэзия Евтушенко — это как бы кардиограмма времени, иногда искаженная неточностью поэтического инструмента, но всегда искренняя, честная. Его стихи, то и дело теряющие в гармонии, цельности, эстетической оснащенности, нередко выигрывают в актуальности, злободневности.

Евтушенко поэт очень русский, продолжающий демократические традиции Некрасовской музыки и ораторского стиля Маяковского. Он немало сделал и в области формы, освежив рифму, придав стиху живую пластичную интонацию разговорной речи. Перечитайте хотя бы «Казнь Стеньки Разина» из поэмы «Братская ГЭС», взгляните в жадное лицо толпы, заполнившей Красную площадь, прислушайтесь к голосам вокруг, к виртуозной инструментовке стиха — и вы сразу почувствуете, что без Евтушенко наша поэзия была бы куда как беднее.

* * *

Евгений Александрович Евтушенко родился на сибирской станции Зима (Иркутская область). Отец поэта был геологом и всю жизнь писал стихи. Я застал его в живых и слышал, как он читал их. Несомненно, там что-то было, какая-то сибирская ностальгия по романтизму. Именно отец научил сына любить поэзию.

В предвоенные годы будущий поэт вместе с матерью живет в Москве. Когда грянула война, он вновь на станции Зима — в эвакуации, под опекой бабушки.

Стихи Евтушенко о военном сибирском детстве — первая серьезная страница его творчества. Путь к ним лежал через возвращение в Москву, занятия в поэтической студии Дома пионеров Дзержинского района, учебу в Литературном институте имени А.М. Горького..

Юному Евтушенко везло на старших друзей-наставников. Позднее он с чувством признательности вспомнит многих из них:

«На всю жизнь благодарен я недавно скончавшемуся поэту Андрею Досталю. Более трех лет он почти ежедневно занимался со мной в литконсультации издательства “Молодая гвардия”...

В 1949 году мне снова повезло, когда в газете “Советский спорт” я встретился с журналистом и поэтом Николаем Тарасовым. Он не только напечатал мои первые стихи, но и просиживал со мной долгие часы, терпеливо объясняя, какая строчка хорошая, какая плохая и почему. Его друзья: тогда геофизик, а ныне литературный критик В. Барлас и журналист Л. Филатов, ныне

редактор еженедельника “Футбол-хоккей”, — тоже многому научили меня в поэзии, давая почитать из своих библиотек редкие сборники...

Неоценимое влияние на меня оказала дружба с Владимиром Соколовым, который, кстати, помог мне поступить в Литературный институт, несмотря на отсутствие аттестата зрелости...»

Очень многое дало начинающему поэту тесное общение с Михаилом Лукониным, Евгением Винокуровым, Александром Межировым, а затем с Ярославом Смеляковым. Он равнялся на них, прошедших фронт, знающих толк не только в искусстве стиха, но, прежде всего, в трудном ремесле познания жизни. Он брал ото всех понемногу, ни на чем не сосредотачиваясь надолго. И много, очень много писал, отличаясь с ранней юности фантастической работоспособностью.

Евтушенко начал регулярно печататься с шестнадцати лет. Его первые стихотворные публикации обнаруживали безусловные способности, тонувшие, впрочем, в изобилии общих мест. С младых ногтей в нем жил неистребимый интерес к острой поэтической манере. Это выглядело свежо на фоне стихотворений, которые зачастую украшали в то время газетные листы и, как правило, были приурочены к праздничным датам. Он и сам писал такие стихи, не выпадая из общепринятого стиля. Но в живой детали, в повороте строки, в рифме уже сквозила его собственная творческая индивидуальность.

В Литературном институте той поры училась целая плеяда поэтов и прозаиков, о которых вскоре слышали широкие читательские круги. В институтских коридорах и аудиториях можно было встретить Роберта Рождественского, Беллу Ахмадулину, Юрия Казакова, Михаила Рощина. Это была новая волна молодой литературы, чья юность совпала с большими переменами в общественной жизни страны.

Евгений Евтушенко один из первых почувствовал, какие возможности открываются перед литературой. Собственно, как поэт, он и рожден общественной ситуацией середины 50-х годов. Отныне и навсегда в его творчество войдут публицистические, общественно-политические мотивы. Он будет постоянно декларировать ответственность поэта за свое государство. Этот пафос станет сильнейшим стимулом его поэзии.

«Поэт в России — больше, чем поэт», — сказал однажды Евтушенко. В этом, может быть, разгадка его силы и слабости. Иногда, стараясь быть больше, чем поэтом, он перестает им быть. А иногда становится поэтом, потому что не хочет быть только им.

Евтушенко пришел в литературу в счастливый для себя момент, когда необычайно ширился интерес к поэзии. Он и сам много сделал для этого. Росли тиражи поэтических книг. Стихи вышли на эстраду, на площадь. Поэт постепенно оказался в центре читательского внимания благодаря своему несомненному таланту, гражданскому темпераменту и умению задевать за живое.

Вот летучий обобщенный образ студенческой молодежи той поры, готовящейся к жизни как к служению своему народу:

О, нашей молодости споры,
о, эти взбалмошные сборы,
о, эти наши вечера!
О, наше комнатное пекло,
на чайных блюдцах горки пепла,
и сидра пузырьки, и пена,
и баклажанная икра!
.....
Здесь песни под рояль поются,
и пол трещит, и блюда бьются,
здесь безнаказанно смеются
над платьем голых королей.
Здесь столько мнений, столько прений
и о путях России прежней,
и о сегодняшней о ней.

Вся поэзия Евтушенко расположена в двух координатах: ее главные стилевые приметы — деталь и формула. Стихи набить формулами, словно учебник жизни («Казалось мне — людей я обучал, как надо жить, и люди обучались»). Он простодушно открывает правила действительности и творчества, и сам поражается своим способностям к броскому поучительному афоризму. Неважно, что многое уже было известно до него. Важно, что он сам дошел до истины и выразил ее собственными словами:

Таланту, а не возрасту будь равен.

Быть молодым да поздним — вот беда!

Быть злым к неправде — это доброта.

Страшнее, чем принять врага за друга,
принять поспешно друга за врага.

Неправой силе надо дать отпор,
и только после — слабости неправой.

Переставая быть к другим жестокими,
быть молодыми мы перестаем.

Не важно — есть ли у тебя преследователи,
а важно — есть ли у тебя последователи.

Дидактика и риторика — постоянные спутники Евтушенко. Они часто мешают ему, но еще чаще выручают. Вот, кстати, одна из причин его огромной популярности среди читателей. Ощущение читательской массы, быстрый отклик на ее запросы составляют самую сердцевину этого поэтического характера. Его стихи откровенно ждут резонанса публики. Без такого ответа поэзия Евтушенко немыслима. Он во многом зависим от мнений своих читателей и слушателей, без усталости ищет их одобрения. Только им он и верит.

Ему свистят и рукоплещут, а он продолжает идти своей дорогой, чутко прислушиваясь и к тем, и к другим. Но что наши пожелания, если он сам выбрал именно этот путь, — не какой-нибудь иной!..

* * *

Евгений Евтушенко справедливо заметил: «Ассонансную рифму, которую почему-то называют “евтушенковской”, впервые так блестяще использовал на основе русского фольклора именно Кирсанов». Увлечение Семеном Кирсановым, по-своему блестящим мастером, скоро прошло, но устойчивый интерес к корневой рифме у Евтушенко сохранился надолго, если не навсегда. Молодой поэт был настолько увлечен поисками подобных созвучий, что у него есть целые стихотворения, почти сплошь построенные на ассонансах. При такой формальной установке неудивительно, что рифма часто становилась откровенным неблагозвучием, а то и вовсе исчезала.

Гибко переимчивый стих Евтушенко изначально нуждался в освежении рифмой, ибо сознательно был ориентирован на живую интонацию разговорной или ораторской речи. Поиски своего стиля шли в самых разных направлениях, но в рифме они особенно наглядно и часто шокировали пуристов. Строгая оправа музыкальной формы русского классического стиха долго казалась поэту тесной для его клокочущего и разбросанного темперамента. Он начал писать стихи намного раньше, чем серьезно читать хорошую поэзию.

Именно Евгений Евтушенко, как мне кажется, окончательно привил корневую рифму современной русской поэзии. От него оно разбежалось по многочисленным сборникам соратников и подражателей. Но никто не овладел ею так виртуозно и естественно, как он сам. Иногда ее просто не слышишь, настолько она органично впаяна в смысл и слово стиха.

Неточная рифма Евтушенко нередко обладает поэтической точностью, снайперским смысловым и интонационным «попаданием». Конечно, так случается далеко не всегда, и небрежностей в рифмовке у него все-таки многовато для хорошего поэта.

* * *

Критик В. Лакшин рассказывал, как Твардовский отечески наставлял молодого Евтушенко:

«...У вас импровизационный талант, но нет драгоценной для искусства способности возвращаться к раз начатому. Вы умеете захватить территорию противника, но не умеете закрепиться на ней — обеспечить тылы, окопаться и т. п.».

Может быть, Евтушенко и рад был последовать совету старшего поэта, которого уважал и отдавал на суд свои стихи, безропотно выслушивая жесткие и часто справедливые разносы, но сделать с собой ничего не мог.

Твардовский возмущался:

«Самоупоен. Прожекторный луч убегает от него, а он за ним гонится, чтобы снова под него попасть».

И в то же время внимательно присматривался к Евтушенко, верил в него, надеялся, печатал в «Новом мире».

В письме к Вере Пановой от 1 июня 1962 года Твардовский пишет о Евтушенко:

«Мука с ним в том, что он не знает истинных причин своего “успеха”, на ощупь идет к серьезности и взрослости (но идет!), отягчен самообожанием, мало начитан даже в поэзии, небрежен к слову, не испытывает стыда от строчек и слов случайных, первых попавшихся и т. п. Но все же дай ему бог понять кое-что и оставить позади свою, как говорится, затянувшуюся молодость».

Твардовский не во всем прав. Евтушенко к тому времени был много начитан, и в поэзии особенно. Годы лихорадочного самообразования не пропали даром. Когда он увлечется критикой, это станет особенно заметным.

Есть поэты, которые растут от сборника к сборнику. О Евтушенко так не скажешь. Он как бы идет не в рост, а в ширь, продолжая захватывать все новые и новые участки. Закрепляются пусть другие. Его стихия — прикоснуться, назвать, быть первым.

Гражданственное звучание поэзии Евтушенко рождает отклик в сердцах многих читателей. В разное время пишет он об антифашистах Чили, о сражающихся патриотах Вьетнама, о расизме в Южной Африке. В том, что сегодня в Киеве стоит над Бабьим Яром памятник жертвам фашизма, есть доля гражданской заслуги поэта Евгения Евтушенко. Не случайно его стихи об этом преступлении гитлеровцев прозвучали в обошедшем экраны всего мира многосерийном фильме о Великой Отечественной войне. Множество произведений посвятил поэт животрепещущей теме борьбы за мир. Его песня «Хотят ли русские войны?..» (у Евтушенко несколько десятков популярных несен) получила распространение на всех континентах.

Дмитрий Шостакович написал свою Тринадцатую симфонию на стихи Евтушенко. По собственному признанию, поэт был ошеломлен тем, что композитор «...соединил в этой симфонии стихи, казалось бы, совершенно несоединимые. Реквиемость “Бабьего Яра” с публицистическим выходом в конце и щемящую простенькую интонацию стихов о женщинах, стоящих в очереди, ретроспекцию всем памятных стихов с захватскими интонациями “Юмора” и “Карьеры”. Когда была премьера симфонии, на протяжении пятидесяти минут со слушателями происходило нечто очень редкое: они и плакали, и смеялись, и улыбались, и задумывались».

Это правда. Я находился в Большом зале Московской консерватории, захваченный музыкой, которой стихи помогали вернее достигнуть души слушателей. Интонация —

главное, что объединяет стихи и музыку (а не ритм и мелодия, как чаще всего полагают), и именно в музыкальных интонациях Шостаковича, то острых и саркастических, то трагически напряженных, то трогательно-наивных, — стихи поэта зазвучали как заново рожденные для другой, уже неотделимой от музыки жизни.

* * *

В 1963 году Евгений Евтушенко совершает многодневную поездку по Северу, главным образом по Печоре. Поездка оставила яркий след в его поэзии. Он создал большой цикл стихотворений, продемонстрировав лучшие качества своего таланта, и прежде всего гражданскую страсть и зрелость, — как раз то, что ставилось критикой под сомнение.

Поэт с головой окунается в мир нелегкого труда рыбаков и зверобоев. Его лечит работа и то чувство братской солидарности, которое он постоянно ощущает вокруг себя и по отношению к себе. Пожалуй, впервые он с такой отчетливостью понимает, что читатели верят ему, ждут от него слова правды.

Постепенно меняется настроение, душевная подавленность проходит, и вскоре голос поэта набирает высокую силу, которая гневно выплескивается в «Балладе о браконьерстве». Стихи о «владыке Печоры», о председателе рыболовецкой артели, губящем рыбную молодь ради плана, наград и почета, — создают обобщающий образ социального зла, подделывающегося под государственную пользу. Читая «Балладу», вспоминаешь повесть «Кончина» Владимира Тендрякова и другие произведения лучших наших прозаиков, обращенные к острым проблемам развития советского общества 50–60-х годов. Евтушенко один из первых поднимает голос в защиту природы, в защиту нашей жизни от социального и экономического браконьерства.

Вольная северная природа, артельный быт и труд оживают в стихах Евтушенко с редкой гармоничностью, сопереживанием, юмором. «Баллада о выпивке», «Белые ночи в Архангельске», «Иностранец», «Зачем ты так?», «Баллада о нерпах», «Граждане, послушайте меня...» — каждое из этих стихотворений надежно входит в избранную лирику поэта.

Страшно, если слушать не желают.
 Страшно, если слушать начинают.
 Вдруг вся песня, в целом-то, мелка,
 вдруг в ней все ничтожно будет, кроме
 этого мучительного, с кровью:
 «Граждане, послушайте меня...»?!

Голос Евгения Евтушенко услышали многие. В северных стихах этого периода он приблизился к самому главному в себе. Отчетливое, граждански насыщенное слово, нераздельный сплав личного и общего проявились здесь с подлинной поэтической страстью. Приближалось время «Братской ГЭС», где поэт попытается развернуть перед читателем масштабное эпическое полотно, связав воедино историю России и ее современность.

* * *

Думая о своей поэзии, Евтушенко постоянно балансирует между отчаянием неуверенности и громким самоутверждением. Он то воздвигает себе памятник, то кидается в бездну стыда:

Себе все время повторяю:
 зачем, зачем я людям лгу,
 зачем в могущество играю,
 а в самом деле не могу?!

Два этих состояния контрастно сталкиваются на первых же страницах «Братской ГЭС», После «Молитвы перед поэмой» с ее гордыми чеканными строками, в которых, безусловно, содержится я самооценка, следует «Пролог», открывающийся таким признанием: «За тридцать мне. Мне страшно по ночам... Лицо тепло в подушке, стыдно плачу, что жизнь растратил я по мелочам, а утром снова так же ее трачу».

Рефлексия Евтушенко, особенно когда она направлена на себя самого, вообще немного сентиментальна. Это глубокое свойство его подсознания, душевной организации. Отсюда, замечу к слову, возникает острое чувство «сопонимания» женского характера, своеобразный стиховой культ женского начала в человеке и природе.

Продолжая размышлять о своем творчестве, поэт, как правило, приходит к ясным и близким правде творческим программам, отвечающим именно его природе, его неповторимому дару:

Избегая покорности гриму,
ты в искусстве себе покорись
и спокойно и неповторимо
всей природностью в нем повторись.

Но «природность» Евтушенко именно такова, что не дает ему возможности покоя и мудрой взвешенности суждений. Он обгоняет сам себя на каждом повороте жизни, причем замечательно то, что это свойство не проходит с годами... Какая-то вечная быстроногая и быстродумная юность клокочет внутри него, создавая характер уникальный, очень обаятельный, но и раздражающий своим нежеланием остановиться на чем-нибудь определенном.

Езжу, плаваю, летаю,
все куда-то тороплюсь,
книжки умные читаю,
а умней не становлюсь.

Может, поиски, метанья —
не причина тосковать?
Может, смысл существования
в том, чтоб смысл его искать?

При этом смысл существования и не ищется вовсе, — он извлекается в стихах, как корень, как результат из недавно прожитого, промелькнувшего, прочитанного, любимого и тотчас оставленного во имя следующих дорог. Евтушенко не может существовать по правилам. Он время от времени учит жить человечество, но сам не в силах и не хочет следовать собственным урокам.

Однако ошибется тот, кто сочтет такую жизнь в искусстве лишенной твердых духовных оснований. Вспомним Пушкина: «Пока по требует поэта к священной жертве Аполлон...» Евтушенко, бывает, погружается в суетные заботы, но, в отличие от большинства, он не скрывает их, и уже одно это резко выделяет его позицию в поэзии. Он как бы представляет на суд читателей черновики своей лихорадочной литературной деятельности, рассчитывая, что время само отберет среди них достойное и оставит в поэзии. Самокритика при этом происходит не в тишине себя, а громко, на людях. То, что обычно делится на частную жизнь и на жизнь в искусстве, в Евтушенко неразделимо, — он, кажется, так и не научился различать эти стороны человеческого поведения. Поэтому так легко его критиковать, обвинять, призывать к порядку. Чем больше это делала критика, тем меньше было толку.

Между тем давно следует уяснить силу и страсть его поэтического голоса. Внятно сказать о главном — о горячем чувстве совести, пронизывающем лучшие произведения поэта. «Предошущение стиха у настоящего поэта есть ощущение греха, что совершен когда-то, где-то...» Он остро и нервно ощущает несправедность, в какой бы форме она ни

для внутренних рифм, для приливов и отливов ритма. Лишь бы была правда переживания, было бы стремление успокоить любимого человека, так нуждающегося в отдыхе.

В стихах о любви, как и во всем творчестве Евтушенко, живут два состояния: жажда цельности и невозможность ее достижения. Он не может быть ни цельным, ни гармоничным. Он всю жизнь сражается с сознанием проблематичности собственного поэтического феномена. Его стихи царапают и знатоков и дилетантов. Они берут за живое не в силу неправильности или классичности формы — размера, ритма, рифмы, — они еще заранее, до звуков и букв, несут в себе безнадежное и в то же время праздничное чувство утраты. Это может быть любимая женщина («Со мною вот что происходит...»), выдающийся спортсмен («Прорыв Боброва»), трагическая история человека («Диспетчер света»); это может быть даже кровавая коррида, такая жалкая и непобедная в ритмичных конвульсиях смертельного итога:

Что я сделать могу, чтобы публика оторопела
и увидела кровь у себя на руках...

* * *

Он не только был на всех континентах земли, кроме Антарктиды, но и написал стихи и поэмы о каждой стране, куда ступала его нога. Качество этих произведений весьма неровно. Евгений Евтушенко в зарубежных циклах принципиально репортажен. Здесь он чувствует себя прежде всего журналистом, специальным корреспондентом отечественной поэзии. Но одновременно в нем живет всемирность и какое-то разбросанное чувство обладания всем, к чему прикасается его взгляд. Он меньше всего иностранец в этом мире и мгновенно обживает в любой стране, не посягая иногда на глубину проникновения в быт и характер ее народа: «Несчастье иностранным быть не может». Однако ему и тут мешает скорость творческого движения, но одновременно она и создает его как оригинального, ни на кого не похожего поэта.

Быстрая способность к адаптации у большинства людей есть верный признак податливой заурядности, космополитического отказа от собственной духовной и национальной природы. Евтушенко же остается очень русским, даже провинциально русским в любой заграничной одежде. Его интернационализм органически стихийен и правдив, ибо лишен какой-либо рациональной подоплеки.

Великое братство людей — вот что воспевает поэт, пусть иногда декларативно, пусть риторически, но это, действительно, его религия, рожденная идеалами нашей революции.

В зарубежных и других стихах Евтушенко часто прибегает к приему монолога реального или вымышленного героя. Стихотворения так и называются: «Монолог доктора Спока», «Монолог бродвейской актрисы», «Монолог испанского гида» и даже «Монолог голубого песка на аляскинской звероферме».

Так или иначе в этих монологах поэт создает объективный образ современности, подмечая многие подробности и психологические детали врасплах захваченной им зарубежной жизни.

Широкую известность получили политические поэмы Евтушенко «Под кожей статуи Свободы», «Голубь в Сантьяго», «Мама и нейтронная бомба».

* * *

Имя Евгения Евтушенко действительно известно во всем мире, и особенно у нас в стране. Даже те, кто толком не читал его стихов, слышали о существовании такого поэта.

Популярности Евтушенко, конечно, способствовала и собственная манера чтения с эстрады. Он выработал ее в юности, и она заслуживает определенного внимания. Я уже писал как-то, что сами стих некоторых молодых поэтов 50-х годов был ориентирован на звучание, независимо от того, какой художественной традиции следовал каждый из них. В самых общих словах можно сказать, что этот стих, неся в себе или риторическое, или песенное, романсовое начало, становился равным самому себе, как правило, только в публичном исполнении и порой резко проигрывал, когда его приходилось «читать глазами», наедине с самим собой.

Интонационная гибкость, раскачивающиеся ритмы, дерзкая рифма, щедрая аллитерация в сочетании со злободневным и всегда предельно демократичным, доступным содержанием — все эти приметы евтушенковского стиля нашли свое уникальное оформление в единстве поэта и актера. Высокая фигура, нервные руки, акцентирующие ударные моменты строфы, поставленный, безупречно внятный голос, то взметающийся до гневного крика, то соскальзывающий до тихого шепота, подчеркнута скандирующий в окончаниях строчек, когда надо эффектно подать фонетическую переключку или смысловую деталь. Чтец он превосходный, и те, кто хоть когда-нибудь слышали его с эстрады или по телевидению, знают, о чем я говорю.

В стихотворении «Проклятье века — это спешка...» он закликает:

Остановись на полдороге,
доверься небу, как судье,
подумай — если не о боге —
хотя бы просто о себе.

Легче всего было бы сказать: «А сам-то куда спешишь, куда летишь стремглав, не разбирая дороги?» Но стихи живут уже своей жизнью, оторвавшейся от судьбы их создателя.

В сущности, беда Евтушенко в том и состоит, что он, отпуская стихи на волю, не в силах следовать душой за ними и только некоторое время провожает их потерянными, усталыми глазами.

Назавтра все начинается сначала.

<...>